

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-6-28

Дилеммы Европейского оборонного союза

Алексей Анатольевич ГРОМЫКО

член-корреспондент РАН, доктор политических наук, председатель Ассоциации европейских исследований (АЕВИС), директор Институт Европы РАН, 125009, Моховая ул., д. 11, стр. 3, Москва, Российская Федерация

E-mail: alexey@gromyko.ru

ORCID: 0000-0003-4228-1552

ЦИТИРОВАНИЕ: Громыко Ал.А. (2019) Дилеммы Европейского оборонного союза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 2. С. 6–28. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-6-28

Статья поступила в редакцию 22.01.2019.

АННОТАЦИЯ. *Общая политика обороны и безопасности в последние годы является одной из наиболее динамичных сфер углубления европейской интеграции. В Европейском Союзе активно развивается дискурс о стратегической автономии организации на фоне таких явлений, как брекзит и трансформация отношений с Соединенными Штатами. В очередной раз в истории ЕС встает вопрос о его способности превратиться в самостоятельного субъекта международных отношений не только в качестве единого рынка, но обладающего собственным политико-военным потенциалом. Статья посвящена дилеммам концепции Европейского оборонного союза (ЕОС), ядром которой выступает программа постоянного структурированного сотрудничества (PESCO), анализируется ведущая роль Франции и Германии в ее продвижении и реализации. Автор исследует развитие стратегической культуры ЕС, его общей оборонной политики на современном этапе, перспективы различных представлений*

о «евроармии», диалектику сопряжения европейского политико-военного строительства с деятельностью НАТО. Сделан вывод, что в ближайшие годы ключевой приоритет концепции оборонного союза ЕС будет заключаться в ускорении интеграции военно-промышленных комплексов государств-членов, увеличении их конкурентоспособности в соревновании с ВПК Соединенных Штатов. Выход Британии из ЕС ускорит эти процессы. Автор рассматривает упрощение политического-военного потенциала этой интеграционной организации как объективное требование времени и считает, что ее интересам, как и интересам западных центров силы, больше отвечает развитие ЕС по пути Европейского оборонного союза, основанного на принципе стратегической автономии, нежели в качестве «европейской опоры» НАТО. Обратное развитие событий, включая создание «оборонного Шенгена», втягивание европейских членов Альянса в его военное планирование, направленное против России, размыва-

ние нейтралитета ряда стран – членов ЕС крайне негативно скажется на положении дел в сфере европейской безопасности и глобальной стабильности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЕС, НАТО, программа постоянного структурированного сотрудничества (PESCO), общая политика обороны и безопасности, постоянное структурированное сотрудничество, оборонный Шенген, европейский оборонный союз, совет безопасности ЕС, боевые группы, евроармия

Стратегическое мышление крупных держав – ключ к успеху в мировой политике. Лишь у них есть не только возможность создавать внешнеполитическую стратегию, но и ресурсы для ее проведения. Государство любой величины может играть видную роль в международных отношениях. Однако только небольшому количеству стран доступен широкий спектр инструментов «жесткой» и «мягкой силы», который превращает их в трансрегиональных и глобальных игроков. США, Китай и Россия – очевидные члены такого клуба.

Успех в осуществлении стратегии не гарантирован. Мировая история полна примерами взлетов и падений великих держав. Немногим из них удалось удерживать за собой особый статус. В XXI в. им придется пройти через новые испытания в бурных водах мировой геополитики; ее командные высоты штурмуют новые претенденты. В их рядах над всеми возвышается Китай, оставляя далеко позади других.

Статус крупной державы не уйдет в прошлое в текущем столетии, но новые времена предъявляют жесткие требования. Для того чтобы удерживаться на плаву, субъект мировой политики должен не столько дозвезть, сколь-

ко привлекать, вести за собой и уметь доказывать, что с ним выгоднее иметь дело, чем вступать в противостояние. Глобальный мир сделал невозможным сохранение среды, благоприятной для выживания сверхдержав, ослабил препятствия для вхождения в круг избранных. Более того, перед всеми без исключения государствами стоит вопрос о настоящем и будущем суверенитете [Белов 2018].

В XX в. мир стал свидетелем изобретения международного субъекта нового, наднационального качества. Со времени своего создания в 1957 г. Европейский Союз превратился в одного из экономических тяжеловесов. Однако его амбиции пока не подкреплены необходимым набором инструментов. Статус Евросоюза как крупного центра силы опирается больше на внешнеполитическое влияние его ведущих стран-членов, нежели на собственный наднациональный потенциал. Смогут ли ЕС обрести настоящую субъективность глобального игрока и реализовывать свою международную стратегию – одна из главных интриг ближайших десятилетий [Biscop (1) 2019].

Председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер предупреждает, что ни одна страна ЕС через 30 лет не будет входить в число семи крупнейших экономик. Если в настоящее время, по его данным, доля ВВП организации в мировой экономике составляет порядка 23%, то через 20 лет она понизится до 15–17%. ЕС теряет и демографически: к концу столетия его население может составить лишь 4% от мирового¹. На стратегические проблемы интеграционного объединения все чаще указывают в европейских столицах. Так, в Британии, несмотря на стремление Лондона в розовом свете представить буду-

1 <https://youtu.be/2R6rwAkvnwE>, дата обращения 31.03.2019.

щие позиции королевства в мире, осознают растущие геополитические риски. «К 2030 году, – указывает Дж. Хант, глава британского Форин-офиса, – Китай обойдет США и станет крупнейшей экономикой мира. К 2050 году экономики Китая и Индии в сумме превзойдут ВВП Большой семерки»².

На фоне многочисленных кризисных явлений во внутреннем развитии Евросоюза и изменении «картинки» внешнего мира не в пользу прежнего порядка вещей [Тромыко 2018, с. 5–16] новое дыхание в последние годы обретает замысел с давней историей – создать собственный политико-военный потенциал ЕС, добиться определенного суверенитета в проведении общей внешней политики и политики безопасности.

Становление концепции общей оборонной политики

В послевоенной истории инициативы по политико-военной интеграции объединяющейся Европы вплоть до создания собственного военного потенциала уходят корнями во вторую половину 1940-х – 1950-е гг. и с тех пор в том или ином виде реанимировалась не раз³. Резкая активизация ее сторонников по ряду известных причин произошла в последние годы. Проблематика военного строительства заняла видное ме-

сто в предвыборной программе кандидата на пост председателя Европейской комиссии Ж.-К. Юнкера в 2014 г., который затем инвестировал в его развитие большой политический капитал⁴. Вехой стала Глобальная стратегия ЕС, опубликованная в июне 2016 г. и закрепившая в политическом дискурсе понятие «стратегической автономии» [Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe 2016]. Ф. Могерини, Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, конечно, выступила ее основным и, в целом, эффективным лоббистом.

Сердцевиной современной системы обороны и безопасности ЕС служит соглашение о постоянном структурированном сотрудничестве⁵ (ПСС) в качестве элемента Европейской политики обороны и безопасности ЕС (ЕПБО)⁶, созданной Амстердамским договором 1999 г. Последняя в свою очередь является компонентом Общей внешней политики и политики безопасности⁷, введенной в качестве одной из трех опор ЕС Маастрихтским договором (раздел V) 1992 г. Уже в нем были использованы, пусть и в размытом контексте, термины «общая оборонная политика» и «общая оборона», которые с тех пор перекочевывали из одного документа в другой. В упомянутом Амстердамском договоре содержалось и положение о совместных усилиях в производстве вооружений, поэтому его можно рас-

2 Hunt J. (2018) Speech at Policy Exchange // UKPol, October 31, 2018 // <http://www.ukpol.co.uk/jeremy-hunt-2018-speech-at-policy-exchange>, дата обращения 31.03.2019.

3 Например, в 1948 г. появился Брюссельский пакт, переименованный в 1955 г. в Западноевропейский (ЗЕС), который дожил до 2011 г.; в 1952 г. на основе «плана Плевена» был подписан договор о создании Европейского оборонного сообщества, который не вступил в силу; в 1992 г. возник Еврокорпус на базе франко-германской бригады, который не является институтом ЕС.

4 Отношение Ж.-К. Юнкера к вопросу о военном потенциале ЕС ясно проявилось еще в апреле 2003 г., когда он в качестве премьер-министра Люксембурга в брюссельском пригороде Тюрверене принял участие в «шоколадном саммите» вместе с Германией, Францией и Бельгией. Участники встречи выдвинули идею Европейского Союза безопасности и обороны, которая была встречена в штыки США и европейскими атлантистами.

5 Permanent Structured Cooperation (PESCO).

6 European Security and Defence Policy (ESDP). После принятия Лисабонского договора в 2007 г. переименована в Общую политику безопасности и обороны (Common Security and Defence Policy (CSDP)).

7 Common Foreign and Security Policy.

смагивать как предтечу этого компонента ПСС.

Важным событием в развитии системы обороны и безопасности ЕС стала совместная франко-британская декларация 1998 г., принятая на саммите в г. Сен-Мало во Франции и «открывшая двери» для принятия ОПБО. Принцип ПСС получил юридическое закрепление в Лиссабонском договоре (Договор о Европейском Союзе), вступившем в силу в декабре 2009 г., в статье 42 и соответствующем протоколе [Consolidated version of the Treaty on European Union. Article 42]. Говорится об «общей оборонной политике Союза», которая должна привести к созданию «общей обороны ЕС, когда Европейский совет единогласно одобрит это решение». 22 ноября 2016 г. Европейский парламент принял резолюцию, в названии которой использован термин «Европейский оборонный союз» (ЕОС)⁸ [European Parliament resolution of 22 November 2016]. Его предлагалось запустить посредством дифференцированной (многоскоростной) интеграции на базе ПСС и Плана реализации Глобальной стратегии ЕС [Implementation Plan on Security and Defence 2016]. Интересно отметить, что в тексте резолюции имеется ссылка на запланированный выход Британии из объединения, что показывает, насколько евроскептическая позиция Лондона была фактором, блокирующим подобные инициативы.

Развитие принципа ПСС привело к тому, что в ноябре 2017 г. 23 страны – члена ЕС направили уведомление Европейскому совету и Ф. Могерини о желании принять участие в данном проекте [Notification on Permanent Structured Cooperation]. В результате 11 декабря Европейский совет утвердил одно-

менную программу, к которой присоединилось 25 стран ЕС за исключением Британии, Мальты и Дании [Council Decision Establishing Permanent Structured Cooperation 2017]. Подписанное соглашение носит юридически обязывающий характер. С тех пор основополагающая роль ПСС в развитии оборонного союза подчеркивалась многократно. Так, в резолюции Европарламента о реализации ОПБО от 12 декабря 2018 г. в параграфе 36 говорится, что эта программа «фундаментальный шаг на пути к более тесному сотрудничеству в области безопасности и обороны государств-членов» [European Parliament Resolution of 12 December 2018].

Главное отличие смысла ПСС как порождения Лиссабонского договора от смысла ОПБО в Амстердамском договоре состоит в том, что в прежний исключительно межгосударственный характер системы безопасности и обороны ЕС постепенно вводятся фрагменты наднационального регулирования, контроля и стимулирования. Необходимо также помнить, что доктринально ПСС – часть реализации Глобальной стратегии ЕС, которая в свою очередь опирается на принцип «стратегической автономии». Поэтому, помимо сдвига общей политики обороны в сторону наднациональности, ОПБО на новом этапе развития окончательно отходит от прежнего штампа: «военные возможности ЕС должны служить европейской опорой НАТО». Предыдущими транзитными пунктами в этом отходе была формула «Берлин-плюс» [Журкин 2012, с. 51–58] (она, с точки зрения «стратегической автономии», уже не отвечает амбициям ЕС), создание гражданско-военной ячейки в системе Военного штаба ЕС, боевые группы, Еврокорпус и

8 European Defence Union.

др. Со времени заключения Лисабонского договора смысл постоянного структурированного сотрудничества все больше наполнялся содержанием, причем высокими темпами. По своему духу и Глобальная стратегия, и соглашение о ПСС, принятое ЕС в декабре 2017 г., направлены на отход от исключительно межгосударственного характера ОПБО, как и на дальнейшее размягчение тезиса о доминирующей роли НАТО в обеспечении безопасности Европы.

В случае осуществления брекзита [Годованюк 2018, с. 14–19] и с учетом деформаций в отношениях ЕС и США эти тенденции получат дальнейшее развитие. Напомним, что с 2012 г. вне рамок Военного штаба ЕС заработал Оперативный центр планирования и проведения военных миссий за рубежом за исключением боевых операций⁹. В июне 2017 г. его функции в рамках имплементации Глобальной стратегии по решению Европейского совета перешли к Центру планирования и проведения военных миссий¹⁰ уже в структуре Военного штаба. В его ведении находятся три небоевые миссии ЕС в Мали, Центральной африканской республике и Сомали. Центр изначально задумывался как постоянно действующий военно-оперативный штаб, но такую смелую новацию неизменно блокировал Лондон. В Брюсселе рассчитывают, что после выхода Британии из Евросоюза эта новая структура будет наконец преобразована в 2020 г. в Оперативный штаб с возможностью проведения боевых операций (прообраз министерства обороны ЕС).

Представляется, что в ближайшие годы ключевой приоритет концепции

оборонного союза ЕС будет заключаться в стремлении ускорить интеграцию военно-промышленных комплексов государств-членов, что в свою очередь подразумевает увеличение их конкурентоспособности в соревновании с ВПК Соединенных Штатов. Военные расходы членов Альянса до планки в 2% от национальных ВВП наращиваются под давлением Вашингтона, и в этом ни у кого нет желания идти против течения. Но одновременно ряд европейских союзников хотели бы использовать по крайней мере часть дополнительных средств для продвижения по пути стратегической автономии ЕС, другими словами – для ухода от полной военно-политической зависимости от США.

Здесь уместна простая арифметика: в случае, если все члены НАТО выполнят принятое в 2014 г. в Уэльсе решение о доведении оборонных расходов до 2% ВВП, то военные расходы союзников Америки вырастут до 400 млрд долл.¹¹ 20% своих оборонных расходов члены НАТО обязаны тратить на закупки новых вооружений. При наличии политической воли страны НАТО, входящие в ЕС и симпатизирующие идее европейского оборонного союза, могут так выстроить свое планирование, чтобы в рамках этой суммы заметно изменить в пользу своих национальных ВПК траты за счет сокращения закупок вооружений у США. Кроме того, повышение оборонных расходов до 2% ВВП, согласно решению саммита Альянса в Уэльсе, еще не означает, что автоматически этот прирост должен расходоваться на проекты в рамках НАТО.

За время своего существования концепция общей оборонной поли-

⁹ The EU Operations Centre (EU OPCEN).

¹⁰ Military Planning and Conduct Capability.

¹¹ Изначально решение о 2% было принято НАТО в 2006 г.

тики ЕС, опирающаяся на ПСС, приобрела разнообразные грани и обросла многочисленными атрибутами [Данилов 2018, с. 74–77]. Ключевыми среди них стали Европейский оборонный фонд¹² (ЕОФ) и механизм Ежегодного скоординированного обзора оборонных¹³. Для наиболее радикальных последователей идеи оборонного союза конечная цель состоит в создании европейской армии, т.е. наднационального инструмента обороны и безопасности ЕС. Но сегодня речь идет о гораздо более достижимых вещах, как, например, о стимулировании совместных НИОКР в военной сфере для создания полностью совместимых технологий и оборудования¹⁴. Суммарный военный бюджет стран – членов ЕС-28 в 2017 г. впечатлял – порядка 260 млрд долларов¹⁵ (траты на вооружения, исследования и разработки), однако 80% оборонных закупок осуществлялось исключительно на национальной основе. На фоне заявленных амбиций планы по решению этой проблемы скромные – Еврокомиссия предлагает выделить для ЕОФ в следующем финансовом семилетнем цикле (2021–2027 гг.) 13 млрд евро¹⁶. Также на деньги фонда можно будет покрыть до 20% стоимости создания прототипов и промышленных образцов. При этом промышленное производство и закупки остаются исключительно в ведении стран – членов ЕС. К середине 2018 г. из бюджета ЕС на 2017–2019 гг. было выделено по гранто-

вой программе на совместные НИОКР в военной сфере лишь 90 млн евро.

Утверждена Европейская программа военно-промышленного развития¹⁷ на 2019–2020 гг. с бюджетом 500 млн евро¹⁸. Еврокомиссия также выступила с предложениями создать за рамками бюджета ЕС Европейский инструмент мира¹⁹ с бюджетом 10,5 млрд евро для финансирования военных миссий и операций в рамках ОПБО и Европейский инструмент взаимодействия²⁰ для увеличения военной мобильности на территории ЕС (оборонный Шенген). В июне 2018 г. Ф. Могерини на конференции Европейского оборонного агентства в Брюсселе предложила заложить в следующий семилетний бюджет ЕС дополнительно 6,5 млрд евро на реализацию этой задачи.

На оборонном Шенгене стоит остановиться подробнее, так как эта тема напрямую связывает планы НАТО и развитие ЕОС. В марте 2018 г. Еврокомиссия утвердила план по ускоренной переброске военной силы и техники с запада на восток Европы, который стал одним из масштабных проектов ПСС. Он направлен на адаптацию гражданской транспортной инфраструктуры для военных нужд (специфика строительства и модернизации транспортных объектов, унификация законодательства стран – членов ЕС по предоставлению транзита для военных сил и оружия). Вкупе с новыми программами Альянса эти приготовления со всей оче-

12 European Defence Fund.

13 Coordinated Annual Review of Defence (CARD).

14 С 2010 г. страны ЕС тратят на совместные НИОКР в военной сфере менее 200 млн евро в год.

15 По данным СИПРИ (<https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1949-2017.xlsx>, дата обращения 31.03.2019).

16 The European Defence Fund. Stepping up the EU's Role as a Security and Defence Provider // European Commission // <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/34509>, дата обращения 31.03.2019.

17 European Defence and Industrial Programme.

18 European Defence Fund (2019) // European Commission, March 19, 2019 // https://ec.europa.eu/commission/news/european-defence-fund-2019-mar-19_en, дата обращения 31.03.2019.

19 European Peace Facility.

20 Connecting European Facility.

видностью свидетельствуют о готовности части европейского политического и военного истеблишмента рассматривать вероятность крупномасштабных военных действий в Европе.

Одновременно в направлении усиления военной мобильности в рамках усилий по сдерживанию «российской агрессии» и укреплению гарантий безопасности союзников работает Пентагон на базе Европейской инициативы по сдерживанию²¹. Затраты на ее реализацию американцы планируют повысить в 2019 г. с 4,8 до 6,5 млрд долл. Большая часть этой суммы пойдет на модернизацию военной инфраструктуры для американских ВВС в восточно-европейских странах с одновременным созданием больших запасов военного снаряжения в таких государствах, как Германия и Британия.

Одной из главных новаций саммита НАТО в Брюсселе в июне 2018 г. стала инициатива «4 по 30», которая также тесно связана с вопросами военной мобильности. Замысел в том, чтобы к 2020 г. подготовить на основе имеющихся сил 30 батальонов, 30 авиаэскадрилий и 30 военных кораблей, готовых к развертыванию в течение 30 дней или быстрее. Эти ротационные силы в подчинении государств – участников Альянса призваны выполнять функцию второго эшелона для быстрой переброски, усиления или замещения Сил быстрого реагирования (СБР). Последние были созданы еще в 2002 г. и до сих пор в военных операциях не использовались. Однако с 2014 г. их значение в военном планировании резко возросло, а численность утроилась, достигнув 40 тыс. чел. В том числе на восточном фланге НАТО размещено четыре многонациональных батальона. По решению саммита НАТО в Уэльсе, в 2014 г. компонентой СБР ста-

ла Объединенная оперативная группа повышенной готовности, созданная для «сдерживания России». Инициатива «4 по 30» призвана создать силы второго эшелона для выполнения именно этой задачи, что, в свою очередь, зависит от возможностей военной мобильности. С реализацией инициативы связано и создание центра логистики в г. Ульм, о котором речь ниже.

Эти и другие военные приготовления, расширение военной инфраструктуры говорят о принципиально важном моменте – конфронтация с Россией закладывается в военном планировании НАТО, которая всячески старается внедрить его в элементы еще не оперившегося ЕОС, главным образом посредством совместных с ЕС деклараций и проистекающих из них проектов, таких как оборонный Шенген. Будущее покажет, удастся ли Альянсу поглотить элементы европейского военного строительства или оно сумеет встать на ноги.

С точки зрения российских интересов ключевое значение имеют следующие два положения: во-первых, укрепление военного потенциала в рамках ЕС, судя по всему, процесс необратимый; во-вторых, его развитие в соответствии с концепцией европейского оборонного союза намного выгоднее западным центрам силы, чем на основе тезиса об ОПБО как о «европейской опоре НАТО». Структурное противостояние России с Альянсом на обозримое будущее гарантировано, что далеко не очевидно в области отношений с ЕС. Для других крупных субъектов мировой политики вне «коллективного Запада» усиление НАТО за счет европейцев – малопривлекательная опция. США, которые по традиции доминируют в Альянсе, не воспринимаются как стабилизирующая сила в междуна-

21 European Deterrence Initiative.

родных отношениях. Евросоюз, напротив, обладает репутацией более предсказуемого, миролюбивого и последовательного в своих действиях игрока.

Более того, успешное развитие ЕОС, концептуально не встроенного в борьбу с «российской угрозой», может затормозить ряд крайне неблагоприятных тенденций в военно-политической обстановке на европейском континенте. Например, продолжается прямое или косвенное вовлечение государств – не членов Альянса в его военную деятельность. В 2016 г. США подписали с Финляндией и Швецией двусторонние декларации об углублении военного сотрудничества. В мае следующего года пришла очередь трехсторонней декларации министров обороны этих стран, направленной на усиление оперативной совместимости их вооруженных сил. По заявлению П. Хультквиста, министра обороны Швеции, цель состоит в повышении региональной стабильности, включая американское присутствие и совместные учения²².

К более активным военным пригрозениям подталкиваются и те страны – члены НАТО, которые в послевоенной истории демонстрировали в этом вопросе сдержанность. Например, так происходит с Норвегией, которая долгое время не располагала на своей территории постоянные военные базы иностранных государств. Однако принципы ротационности и «разумной достаточности», заложенные в Римской декларации о создании Совета России – НАТО в 2002 г., все больше размываются. В Норвегии идет наращивание численности корпуса морской пехоты США в гарнизоне Вернес, а их оборонный бюджет предусматри-

вает размещение американских истребителей на аэродроме Рюгге в восточной Норвегии.

Швеция, Финляндия и Норвегия стали частью и другого натовского формата – многонациональных Объединенных экспедиционных сил (ОЭС) во главе с «рамочным» государством (на эту лидерскую роль были выдвинуты Британия, Германия и Италия). Шаблон ОЭС²³ во главе с Британией был запущен в 2014 г. на саммите Альянса в Уэльсе в качестве одной из новаций в его деятельности. Помимо указанных стран к проекту присоединились Эстония, Латвия, Литва, Дания и Нидерланды. На сегодня это единственный пример реализации решения саммита в части ОЭС. Однако показательно, что именно в этом формате участвует и Британия, покидающая ЕС, и две европейские страны, не входящие в НАТО. Формализацией оперативной готовности девяти государств – членов ОЭС стал меморандум, подписанный 28 июня 2018 г. в Лондоне [Over 10,000 Troops from Nine Nations 2018].

Представляется, что смысл данного предприятия отражает амбиции Британии, ищущей новые точки опоры вне ЕС, и стремление США втянуть в Альянс неприсоединившиеся страны. В обоих случаях разыгрывается антироссийская карта. Неслучайно первое военное учение участников ОЭС прошло в мае 2018 г. на Солсберийской равнине в Англии, на которой расположен одноименный город, как и военная лаборатория в Портон-Даун. Стоит ожидать, что по мере развития оборонного союза ЕС будет нарастать для торможения этого процесса и активность Альянса по консолидации собственных про-

22 Швеция, США и Финляндия углубляют трехстороннее военное сотрудничество (2018) // РИА Новости. 8 мая 2018 // <https://ria.ru/20180509/1520195490.html>, дата обращения 31.03.2019.

23 Joint Expeditionary Force.

грамм и проектов. Недаром среди задач ОЭС – оказание помощи в случае нападения на государства – участников не только НАТО, но и Евросоюза. Тем самым подспудно ставится вопрос: зачем ЕС развивать свой собственный оборонный потенциал, если появляются такие дополнительные инструменты для его защиты?

Новейший дискурс о Европейском оборонном союзе

Новый всплеск дискуссия об ЕОС пережила в последние месяцы. Заявление о необходимости его создания сделала У. фон дер Ляйен, министр обороны ФРГ, на форуме по безопасности в АТР «Диалог Шангри-ла» в июне 2018 г. В частности, она отметила, что длительное время ЕС воспринимался исключительно как экономический и торговый игрок, но теперь он превратился в серьезную силу в сфере обороны и безопасности. Вновь было подчеркнуто, что оборонный союз открыт для диалога со всеми. Несколько дней спустя на международном форуме в Берлине, организованном телерадиокомпанией WDR, выступила А. Меркель в свойственной ей осторожной манере. Смысл сказанного сводился к тому, что создание европейской армии будет идти медленными темпами, и что в первую очередь упор делается на формирование «общей стратегической культуры». По ее мнению, ЕС стоит лишь у истоков ПСС, в основе которого лежит готовность унифицировать многочисленные национальные военные системы. Упомянула она и о европейских силах быстрого реагирования, предложенных Э. Макроном, хотя так и остается неясным, как

будут соотноситься ПСС и инициативы французского президента.

В июне 2018 г. Совет ЕС принял общий свод правил реализации проектов ПСС, второй пакет которых был внесен на рассмотрение в ноябре. Они разбиты по трем категориям: обучение и тренировка военного персонала, создание общих систем командования, контроля и поддержки в четырех средах, включая кибернетические операции, и совместная разработка и создание военно-технических средств и вооружений.

В конце августа 2018 г. широкий резонанс вызвало выступление Э. Макрона перед руководителями дипломатических миссий Франции. Он заявил о необходимости более тесной европейской кооперации в области обороны, а также отметил: «Европа больше не может доверять свою безопасность только Соединенным Штатам. Мы сами должны гарантировать нашу безопасность» [Zachary 2018]. Все более откровенно стали высказываться политики рангом ниже. Ф. Парли, министр обороны Франции, в сентябре 2018 г. призвала к снижению военной зависимости от США. Для подкрепления своей позиции она привела следующие примеры: блокирование Соединенными Штатами продажи Египту французских крылатых ракет «Скальп», в производстве которых используются американские компоненты, и необходимость запрашивать у конгресса США разрешение на установку вооружений на американские беспилотники «Рипер», которые Париж покупает для борьбы с террористическими группировками. Причем причины этих трудностей Парли отнесла на счет как геополитических соображений, так и фактора коммерческой конкуренции²⁴. Позже в интервью Си-

24 Глава Минобороны Франции выступила за снижение зависимости от США в оружейных компонентах (2018) // InfoRos.ru. 6 сентября 2018 // <http://inforos.ru/?module=news&action=view&id=75292>, дата обращения 31.03.2019.

эн-эн уже сам президент Франции без обиняков сказал, что увеличение европейцами трат на оборону не значит, что они должны покупать вооружения американского производства²⁵.

Очевидно, что оборонный пакт имеет шанс в том или ином виде воплотиться в жизнь при условии его последовательного продвижения Францией и Германией, в том числе в вопросах совместных военных программ. Именно Париж и Берлин призваны стать локомотивами в реализации ПСС. Демонстрацией этого стали решения, принятые на заседании германо-французского совета министров в июне 2018 г. и развивающие идеи, высказанные годом ранее. М. Макрон и А. Меркель договорились о совместной разработке и выпуске «танка будущего» к 2030 г. и «истребителя будущего» – военного самолета шестого поколения – к 2040 г. Конечно, такие дальние сроки не налагают большой ответственности за конечный результат на нынешних лидеров двух стран, но все же служат важным сигналом серьезности их намерений.

Подчеркнем, что львиная доля успеха или неудачи продвинутого сотрудничества в сфере обороны и безопасности зависит в первую очередь от франко-германского тандема, хотя и испытывавшего в последние десятилетия деформацию с ростом экономической и политической роли Германии. Вероятно, стратеги в обеих столицах осознают, что никогда раньше в истории шансы на качественное продвижение в вопросе политико-военной консолидации ЕС не были так высоки, как сейчас: юридическое закрепление в Лиссабонском договоре принципа «многоскоростной Европы» («продвинутого со-

трудничества»), брекзит, геополитический дрейф США в сторону от Старого света, множество кризисов последнего десятилетия, подталкивающих ЕС к выборочному углублению интеграции и к обретению собственной стратегической автономии. Препятствий для движения в этом направлении по-прежнему много, но немало и возможностей, как объективных, так и субъективных. Осознание развития мира по неизведанному пути полицентризма прорывается в умы не только политиков крупнейших ведущих государств интеграционного объединения. Это происходит и в малых членах ЕС, включая те, в которых антироссийские настроения укоренены, а проамериканские доминируют. Например, в ежегодном докладе министра иностранных дел Латвии по итогам 2018 г. говорится о том, что вместо биполярного или однополярного формируется международный порядок с несколькими центрами силы²⁶.

Несмотря на асимметрию во франко-германском «локомотиве» ЕС не в пользу Парижа, у него на руках остается важный козырь – ядерный статус, как и преимущество перед Германией в состоянии и развитости национального ВПК. Кроме того, Берлину намного сложнее, по внутривнутриполитическим соображениям, наращивать расходы на вооружения в связи с решением о 2% в рамках НАТО. Поэтому ему приходится энергично лавировать, претендуя вместе с Францией на лидерство в ОПБО, и одновременно пытаться выполнить свои обязательства в качестве члена Альянса [Васильев, Кокеев 2018]. Так, в феврале 2018 г. министр обороны Германии У. фон дер Ляйен выступила с предложением создать центр планиро-

25 CNN // <https://edition.cnn.com/videos/politics/2017/09/19/intv-macron-complete-amanpour.cnn>, дата обращения 31.03.2019.

26 МИД Латвии: Милитаризация Арктики напрямую угрожает безопасности Латвии и ее союзников (2018) // ТАСС. 2 января 2018 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5972015>, дата обращения 31.03.2019.

вания, логистики и командования Североатлантического блока. Его поддержали на заседании министров обороны НАТО в июне²⁷. Расположить этот объект решили в немецком городе Ульм в федеральной земле Баден-Вюртемберге. В целом речь идет о существенном расширении персонала командных структур Альянса на базе Ульма, а также нового центра морского командования по Атлантике в Норфолке, США. В сумме численность такого персонала планируется увеличить на 1200 чел., что вполне закономерно на фоне резкого роста активности блока на восточном фланге и с учетом того, что со времени окончания холодной войны он был сокращен с 23 до 7 тыс. чел.

Стоит ожидать, что Франция и Германия продолжают выдвигать те или иные инициативы, сопровождающие идею оборонного союза: одни – для продвижения конкретики, другие, менее реальные – для поддержания темпа реформ. Возможно, что к последней категории относится предложение о создании совета безопасности ЕС (СБЕС), которое Э. Макрон и А. Меркель озвучили на двусторонних межправительственных консультациях 19 июля 2018 г. [Журкин 2018, с. 4–5]. Позже, в октябре, выступая в баварском г. Оттобойрен, канцлер подтвердила свою позицию²⁸. Речь идет об органе, название которого не случайно созвучно Совету Безопасности ООН. Из разрозненных комментариев следует, что его состав мог бы включать постоянных членов (конечно, в первую очередь Францию и Германию) и формироваться на ротационной основе из непостоянных членов. Тогда решалась бы в духе «многоскоростной Европы» и проблема консенсуса при приня-

тии в ЕС внешнеполитических решений, т.е. ни одна страна из последней категории не смогла бы заблокировать его решения, как это происходит сейчас.

С точки зрения интересов России демонтаж правила консенсуса, который на сегодня применяется при голосовании в Совете ЕС по иностранным делам, носит двусмысленный характер. Консенсус означает, что любая страна может, например по вопросу о продлении антироссийских санкций, наложить вето; но с его отменой потребуются уже политическая воля нескольких государств для принятия такого решения. И конечно, в случае создания совета безопасности ЕС встанет целый ряд управленческих вопросов для всей организации — например, как новая структура будет соотноситься с Советом ЕС по иностранным делам. Получит ли идея СБЕС развитие, проявится в течение 2019 г. Пока же, принимая инициативу во внимание, руководящие органы интеграционного объединения осторожно высказываются о ее перспективах. Так, в резолюции Европарламента от 12 декабря 2018 г. говорится: «Принимаем во внимание предложение нескольких государств-членов о Совете Безопасности ЕС и считаем, что данную концепцию необходимо прояснить, перед тем как провести оценку ее добавленной стоимости» [European Parliament resolution of 12 December 2018].

Вскоре Э. Макрон пошел еще дальше, заявив 6 ноября 2018 г. в эфире радиостанции «Европа 1», что ЕС нуждается в собственных вооруженных силах²⁹. Более того, он назвал страны, от кого надо защищаться – Китай, Россия и... США. Включение последних в этот перечень было беспрецедентным

27 <https://nato.diplo.de/nato-en/aktuelles/-/2107338>, дата обращения 31.03.2019.

28 Рокоссовская А. (2018) Совет от канцлера. Меркель предложила создать Совбез Евросоюза // Российская газета. 2 октября 2018 // <https://rg.ru/2018/10/02/merkel-predlozila-es-sozdat-svoj-sovet-bezopasnosti.html>, дата обращения 31.03.2019.

29 <https://www.youtube.com/watch?v=ilggBgh8Lhw>, дата обращения 31.03.2019.

для лидера одного из государств – членов ЕС и НАТО, тем более такого крупного. Сообщения в твиттере Д. Трампа в ответ на это высказывание были полны негодования (он назвал их «очень оскорбительными»). Разгорелась достаточно жаркая дискуссия и в Европе, причем, что показательно, в основном только по высказываниям президента Франции в части евроармии. Солидарность с Макроном проявила А. Меркель, которая призвала работать над замыслом и однажды создать «настоящую европейскую армию»³⁰.

Напористая позиция канцлера Германии по этому вопросу говорит о многом. Подобного рода заявления из уст президента Франции, кем бы он ни был, воспринимаются как своего рода эхо деголлевских традиций и мало кого удивляют. Но слышать заверения в симпатиях к положению о военной самостоятельности Европы от Берлина крайне необычно. И дело не только в широко распространенных в ФРГ пацифистских настроениях, но и в юридических последствиях Второй мировой войны, в том числе в области взаимоотношений с США и другими державами-победительницами из числа западных государств. В Германии постоянно поднимается тема о степени суверенности этой страны, высказываются разные точки зрения о том, насколько Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии 1990 г. («Договор 2+4») полностью восстановил ее независимость. Например, вопрос о том, отменено ли действие ряда секретных соглашений, заключенных между ними в 1960-е гг. и предоставивших иностран-

ным спецслужбам особый режим деятельности, остается до конца не проясненным [Тимошенкова 2018].

И все же Германия, начиная, по крайней мере, с 2003 г., регулярно демонстрирует свою особую позицию по политико-военным вопросам. В очередной раз это произошло в апреле 2018 г. Тогда, после авиаудара США, Британии и Франции по Сирии, нанесенного без санкции СБ ООН и под предлогом применения правительственными войсками Б. Асада химического оружия в Хан-Шейхуне, научно-справочный отдел Бундестага выступил с заключением, что эта акция противоречила международному праву. Такое поведение руководству НАТО приходилось учитывать, тем более что в данном случае позиция Берлина была намного ближе к российской аргументации о сфабрикованных причинах бомбежки. В интервью немецкой газете «Вельт ам зонтаг» генеральный секретарь Альянса Й. Столтенберг попытался встроить действия Германии в стандартную формулу отношений с Россией – «сдерживание/устрашение и диалог», одновременно приветствуя роль Берлина в поддержании контактов с Москвой³¹.

Поддержку высказываниям Э. Макрона в эфире радиостанции «Европа 1» выразила министр обороны Испании М. Роблес³². Последовал комментарий и из Еврокомиссии [Stone 2018], в котором с ноткой ревности напомнили, что автором предложения о создании евроармии еще четыре года назад был сам Ж.-К. Юнкер [We Need a European Army 2015]. Активными сторонниками европейского военного строи-

30 Меркель заявила, что ЕС следует двигаться в направлении создания европейской армии (2018) // ТАСС. 13 ноября 2018 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5788160>, дата обращения 31.03.2019.

31 Столтенберг заявил, что НАТО не собирается изолировать Россию (2018) // ТАСС. 21 апреля 2018 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5147110>, дата обращения 31.03.2019.

32 Министр обороны Испании поддержала идею создания общеевропейской армии (2018) // РИА Новости. 15 ноября 2018 // <https://ria.ru/20181115/1532905536.html>, дата обращения 31.03.2019.

тельства являются многие другие высокопоставленные европейские политики и чиновники: министр финансов Франции Б. Ле Мэр и премьер-министр Э. Филипп, министр обороны Германии У. фон дер Ляйен и еврокомиссар по вопросам бюджета Г. Эттингер, президент Чехии М. Земан и президент Финляндии С. Ниинисте.

Все же реакция большинства европейских и натовских столиц была в целом сдержанная либо негативная. В Анкаре инициативу о евроармии назвали расколом Запада и трансатлантического союза³³. Премьер-министр Эстонии предупредил о недопустимости дублирования функций Североатлантического альянса³⁴. Министерство обороны Австрии не посчитало возможным вообще как-либо оценивать вброс со стороны Парижа, сославшись на нейтральный статус страны³⁵. Л. Калныньш, командующий национальными вооруженными силами Латвии, избегая прямой критики Макрона, интерпретировал миссии ЕС в Мали, Средиземном море и Сомали как показывающие, что евроармия уже существует.

Ожидаемая реакция последовала от Й. Столтенберга, который заявил на пресс-конференции в Берлине: «Было бы неразумно государствам – членам НАТО и ЕС иметь две параллельные командные структуры или дублировать деятельность НАТО» [Gould 2018]. По его мнению, главное при развитии

оборонного сотрудничества в Европе, чтобы оно не становилось альтернативой Альянса, а, напротив, укрепляло европейский компонент внутри него³⁶. Эти высказывания в очередной раз напомнили о том, против чего США и НАТО всегда выступали в отношении ОПБО – против создания наднациональных органов военного командования (фактически министерства обороны ЕС). Впрочем, выпущенные против Макрона критические стрелы не изменили его позиции: 11 ноября в интервью телеканалу «Си-эн-эн» он повторил свой тезис о необходимости для Европы обзавестись собственными безопасностью и суверенитетом³⁷.

Энергичным игроком в деле наращивания политико-военных возможностей ЕС выступает Европарламент, большинство депутатов которого поддерживают концепцию общей оборонной политики. В его недрах прорабатывается ряд обновленных идей. Так, на рассмотрение в комитет по международным делам этого наднационального органа в сентябре 2018 г. поступил доклад об увеличении в четыре раза численности боевых групп³⁸ ЕС путем преобразования 14 батальонных групп по 1,5 тыс. чел. каждая в такое же количество войсковых бригад. Эти предложения были включены в официальные материалы для подготовки доклада Европарламента о реализации ОПБО [Draft Report on Annual Report 2018] и в более сжатом виде изло-

33 Анкара назвала идею создания общеевропейской армии расколом в НАТО (2018) // Московский комсомолец. 14 ноября 2018 // <https://mk-turkey.ru/politics/2018/11/14/mot-ankara-nazvala-ideyu-sozdaniya-obsheevropejskoj.html>, дата обращения 31.03.2019.

34 В Эстонии прокомментировали идею создания европейской армии (2018) // РИА Новости. 15 ноября 2018 // <https://ria.ru/amp/20181115/1532872308.html>, дата обращения 31.03.2019.

35 СМИ: Минобороны Австрии исключило возможность участия в армии Евросоюза (2018) // ТАСС. 15 ноября 2018 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5795086>, дата обращения 31.03.2019.

36 Столтенберг: развитие обороны ЕС не может стать альтернативой НАТО (2018) // ТАСС. 11 ноября 2018 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5779099>, дата обращения 31.03.2019.

37 CNN // <https://edition.cnn.com/videos/politics/2017/09/19/intv-macron-complete-amanpour.cnn>, дата обращения 31.03.2019.

38 Боевые группы были созданы в рамках программы «Головная цель – 2010», принятой на саммите ЕС в 2004 г. Их оперативную готовность официально провозгласили в 2007 г.; с тех пор они ни разу не были задействованы в каких-либо операциях, хотя совместные учения проводились.

жены в его резолюции по докладу (п. 27) [European Parliament resolution of 12 December 2018].

С учетом минимальной эффективности всей программы создания боевых групп, подход авторов идеи о расширении масштаба боевых групп находится в русле высказывания А. Эйнштейна: невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла; нужно подняться на следующий уровень. Ранее, в 2016 г. Европарламент уже признавал, что неспособность задействовать боевые группы «является упущенной возможностью по укреплению роли ЕС в качестве важного глобального игрока в вопросах стабильности и мира» [European Parliament resolution of 22 November 2016]. Также предлагается перевести боевые группы в режим постоянной боевой готовности с приданием статуса передовых сил на базе штабов Еврокорпуса в Страсбурге, Щецине и Мюнстере. Для сторонников доведения замысла ЕОС до логического завершения эти соображения – один из возможных путей достижения заветной цели. Немало и экспертных разработок, посвященных идее включения подразделений Еврокорпуса в институциональную структуру ЕС на базе ПСС [Miglio 2017].

Заключение

Если для консолидации НАТО и придания ей смысла «российская угроза» вновь стала основным мотивом, то резоны создания оборонного союза ЕС совсем иной природы. Здесь главным стимулом стали два геополитических шока, которые испытал ЕС: первый – брекзит, второй – глубокие изменения в отношениях с США. Именно эти факторы заставили (и в какой-то степени развязали руки) поборников стратегической автономии не только в очередной раз в истории интеграции задумываться о ее военном измерении, но и приступить к конкретным действиям.

Сколько бы ни звучало заявлений, что и после брекзита Лондон останется надежным союзником Брюсселя, доверие к британцам у их континентальных соседей подорвано. Сколько бы США и их европейские союзники ни заверяли друг друга в преданности и непоколебимости 5 статьи устава НАТО, в Евросоюзе все шире становится осознание неизбежности принципиальных и долгосрочных расхождений с Америкой по целому ряду пунктов региональной и глобальной повестки дня. Что касается отношений ЕС с Россией, то в них достаточно не только разногласий, но и общих тем для возобновления серьезного долгосрочного сотрудничества [Criekemans 2018, pp. 28–33].

Конечно, фрондирование части европейцев в отношениях с США и желание обрести большую самостоятельность во внешнеполитической и военно-политической области далеко не всегда делает их менее восприимчивыми к нарративу об «угрозе с Востока». Во многих странах ЕС с готовностью подхватили изменения в приоритетах, внесенные в обновленную стратегию национальной безопасности США 2017 г. В этом документе главной угрозой Соединенным Штатам провозглашается возобновление геополитического соперничества между государствами, среди которых Пекин и Москва составляют первый ряд противников. «Китай и Россия, – говорится в стратегии, – бросают вызов силе Америки, ее влиянию и интересам, пытаясь подточить американскую безопасность и процветание» [National Security Strategy 2017]. Означает ли это, что в реальности Европа решила проблемы, которые совсем недавно, вслед за США при Б. Обаме, много лет фигурировали как главные, в первую очередь международный терроризм? Очевидно, что нет. Об этом

наглядно свидетельствуют данные Европола, согласно которым число совершенных в Европе радикальными исламистами терактов удвоилось в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом с 13 до 33, приведя к гибели 62 чел.

Защитенность части членов Альянса и одновременно Евросоюза на «росийской угрозе» приобрело настолько гипертрофированные формы, что вызывает неприятие их коллег. Бывший министр обороны Португалии Жозе Лопеш так описывал свои впечатления: «Я занял свой пост в ноябре 2015 г. На первой же встрече [в НАТО], мы обсуждали Россию, Россию и одну лишь Россию. В шутку я даже задал вопрос, находжусь ли я на заседании Организации восточного договора³⁹, потому что не было сказано ни слова об Атлантике... о новых вызовах международного терроризма. Я был поражен отсутствием подобного рода пунктов в современной повестке дня при обсуждении вопросов нашей безопасности и обороны» [Mehta 2018].

И все же неоспоримо, что ЕС уже во многом представляет собой политический союз, надстраиваемый над экономическим. Может ли он опираться на политико-военный потенциал государств, не входящих в него? Тем более если это государства, поставившие под сомнение «европейскую мечту» и во многом играющие теперь против его экономических интересов. Очевидно, что нет. Трудно себе представить, чтобы европейцы испытывали давление и даже унижение со стороны США, например, в торговой сфере или в вопросе о ядерной сделке с Ираном и вместе с тем продолжали как ни в чем не бывало следовать традиционному соподчинению в военной сфере. В этой ситуации неиз-

бежно стремление снизить свою зависимость от военных возможностей такого партнера, используя союзнические отношения там, где выгодно, и действуя самостоятельно в иных случаях.

Раньше было принято считать как данность, что США гарантируют военную безопасность Европы фактически в качестве филантропии. Теперь такие гарантии начинают обуславливаться вполне прагматичными соображениями. Новая реальность подталкивает обладателей крупнейшего единого рынка на планете к обретению собственной стратегической автономии даже с учетом того, что суммарный американский и британский вклад в бюджет НАТО достигает порядка 32% (22 и 10% соответственно). Это много, но намного меньше, чем цифры, которые часто приводятся для доказательства якобы нереализуемости планов ЕС: в совокупных оборонных расходах стран НАТО доля США – около 70%, Британии – около 7%. Опирируя этими цифрами, «пирамида» пропорций как бы переворачивается: зависимость Альянса от Вашингтона и Лондона превращается из трети его бюджета в почти 4/5.

Напомним, что бюджет организации состоит из трех частей: гражданская – 234 млн евро (на 2017 г.), военная – 1,3 млрд евро и программа по инвестициям в обеспечение безопасности (поддержание инфраструктуры) – 655 млн евро, т.е. в сумме около 2,2 млрд евро⁴⁰. Все остальные затраты относятся к косвенному финансированию и носят добровольный характер. Поэтому на деле военная зависимость ЕС от США, а теперь и от Британии (доля в бюджете НАТО-29 остальных ее членов, не входящих в Союз: Канада –

39 Ж. Лопеш имел в виду Организацию Варшавского договора (ОВД) – военно-политический союз социалистических стран, созданный в 1955 г. (распущен в 1991 г.).

40 Финансирование НАТО (2017) // НАТО. 27 июня 2017 // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_67655.htm, дата обращения 31.03.2019.

6,6%, Турция – 4,4%), прямо пропорциональна его способности самостоятельно проводить те или иные операции. Бесспорно, вклад Вашингтона и Лондона в бюджет Альянса большой, но он ненамного превышает долю Франции и Германии – более 25%, которая вместе с Италией достигает 34%.

Если вынести за скобки «российскую угрозу», то остается не так много проблем, с которыми ЕС не справился бы, опираясь на свой собственный политико-военный потенциал. Общим местом в рассуждениях о его зависимости от США является история войн в Югославии и интервенции против Белграда, в которых американцы играли доминирующую роль. Но те события закончились 20 лет назад; их последствия отвечали в первую очередь геополитическим интересам Вашингтона, и противоречивость принятых тогда решений признается многими даже на Западе. Войны в Афганистане и Ираке также были порождением исключительно американской внешней политики и во многом шли вразрез с интересами Европы. Единственным случаем, когда европейцы инициировали крупные военные действия, стало вторжение Франции и Британии в Ливию под фальшивым прикрытием известной резолюции Совета Безопасности ООН. Но это очевидный «антипример», который в Париже и Лондоне не принято вспоминать, тем более использовать как аргумент в пользу консервации зависимости Европы от США в сфере безопасности.

Там, где ЕС действительно заинтересован в применении «жесткой силы», например для борьбы с внутренним экстремизмом, международным терроризмом, охраной внешних границ, проведением операций в Сахеле и др., европейцы вполне способны справиться сами. На это направлена вся логика «европейского проекта» Э. Макрона, включая «европейскую инициати-

ву по вмешательству» [Федоров 2018, с. 30–39]. Маловероятно, чтобы в обозримом будущем ЕС оказалось жизненно необходимым предпринять какую-то крупную экспедиционную операцию, поставившую его в очередной раз в зависимость от военного потенциала США. Возможно, вопрос о необходимости таких операций когда-нибудь перед ЕС и встанет, что опять же говорит о том, что готовиться к ним с опорой на собственные автономные возможности необходимо начинать уже сейчас. Привычка военной зависимости от США не раз наносила вред безопасности Европы. Так, если Париж и Лондон полагались бы исключительно на свои силы и не были бы уверены, что при необходимости их подстрахуют США и НАТО, то, скорее всего, не пошли бы на авантюру в Ливии. Если Британия не руководствовалась бы превратным толкованием военной солидарности с Америкой, то, возможно, не ввергла бы себя в иракскую драму.

Строительство оборонного союза ЕС не входит в лобовое столкновение с продолжением деятельности Альянса, по крайней мере в обозримом будущем. Напротив, европейцы будут продвигаться в этом направлении крайне осторожно, а часть из них, настроенная наиболее проамерикански, в свете выхода Британии из ЕС попытается взять на себя функцию торможения развития политико-военного потенциала организации. Постоянным будем акцент на тесное сопряжение новых европейских политико-военных инициатив с деятельностью НАТО. Достижение настоящей стратегической автономии потребует долгого времени. Не исключено и попятное движение в случае снижения интереса Берлина и Парижа к энергичному запуску ПСС и других программ. Многое зависит от конкретных параметров следующего бюджета ЕС на 2021–

2027 гг. в части расходов на интеграцию ВПК стран – членов ЕС.

При всей обоснованности скепсиса в отношении будущего ЕОС, формирование «двухъядерного» Запада, сердцевина которого распадается на США и ЕС, делает очевидной потребность в наличии потенциала «жесткой силы» у обоих его центров. При наличии политической воли и снижении уровня противоречий между Вашингтоном и ведущими европейскими столицами эти центры смогут еще длительное время сосуществовать достаточно гармонично, разделив сферы ответственности и функции в рамках «коллективного Запада». Например, концентрируя со временем в своих руках все больше политико-военных возможностей, Париж и Берлин вряд ли будут оспаривать восточно-европейское направление обеспечения безопасности как вотчину Альянса. Это направление, хотя и по разным причинам, играет важную роль во внешней и внутренней политике США и ряда восточноевропейских стран, которые пока едины в своем антироссийском настрое. Стремление распространить на эту сферу прерогативы ЕОС будет вызывать лишь ненужное французам и немцам раздражение союзников. А с ними у Парижа и Берлина различных проблем и так достаточно. Тем более концепция ЕОС в обозримом будущем не предусматривает никакого дублирования американских программ в военном строительстве, не говоря уже о конкуренции с США в Азиатском регионе. Однако в случае неспособности объединенной Европы в последующие годы подкрепить свои глобальные экономические интересы автономным политико-военным потенциалом Евросоюз не сможет заставить Вашингтон, а позже и Китай, считаться со своими геоэкономическими и геополитическими амбициями.

Список литературы

Белов В.Б. (ред.) (2018) Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран. М.: Институт Европы РАН.

Васильев В.И., Кокеев А.М. (ред.) (2018) Меняющаяся роль Германии в евроинтеграционных и трансатлантических процессах. Аналитический доклад. М.: ИМЭМО РАН.

Годованюк К.А. (2018) Последствия Брекзита для общей политики безопасности и обороны ЕС // Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы. Доклад Института Европы. № 351. М.: ИЕ РАН. С. 14–19.

Громыко Ал.А. (2018) Расколотивший Запад: последствия для Евроатлантики // Современная Европа. № 4. С. 5–16. DOI: 10.15211/soveurope420180516

Данилов Д.А. (2018) Формирование новых инструментов и механизмов ОПБО // Борко Ю.А., Буторина О.В., Журкин В.В., Потемкина О.Ю. (ред.) Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 93. М.: ИЕ РАН, АЕВИС. С. 74–77.

Журкин В.В. (2012) Европейская армия: поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны Европейского Союза. М.: Международные отношения.

Журкин В.В. (2018) Об идее создания Совета Безопасности Евросоюза // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 4. С. 4–5. DOI: 10.15 211/vestnikieran4201845

Тимошенко Е.П. (2018) Насколько суверенна объединенная Германия в действительности? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 6. С. 172–176. DOI: 10.15211/vestnikieran6201813

Федоров С.М. (2018) «План Макрона» для Европы: новый старт Европейского проекта в XXI веке // Современная Европа. № 6. С. 30–39. DOI: 10.15211/soveurope620183039

Bachmann D., Bunde T., Maderspacher Q., Oroz A., Scherf G., Wittek K. (2017) *More European, More Connected, More Capable: Building the European Armed Forces of the Future*. Munich Security Conference, McKinsey & Company and Hertie School of Governance, November 2017 // <http://european-defense-report.securityconference.de>, дата обращения 31.03.2019.

Barrie D., Barry B., Boyd H., Chagnaud M.-L., Childs N., Giegerich B., Mölling Ch., Schütz T. (2018) *Protecting Europe: Meeting the EU's Military Level of Ambition in the Context of Brexit* // International Institute for Strategic Studies, Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik, November 28, 2018 // <https://dgap.org/de/article/getFullPDF/31639>, дата обращения 31.03.2019.

Billon-Galland A., Efstathiou Y.-S. (2019) *Are PESCO Projects Fit for Purpose?* // European Leadership Network, February 20, 2019 // <https://www.europeanleadershipnetwork.org/policy-brief/are-pesco-projects-fit-for-purpose/>, дата обращения 31.03.2019.

Billon-Galland A., Thomson A. (2018) *European Strategic Autonomy: Stop Talking, Start Planning* // European Leadership Network, May 11, 2018 // <https://www.europeanleadershipnetwork.org/policy-brief/european-strategic-autonomy-stop-talking-start-planning/>, дата обращения 31.03.2019.

Biscop S. (1) (2019) *1919–2019: How to Make Peace Last? European Strategy and the Future of the World Order* // Security Policy Briefs. Egmont Royal Institute for International Relations // <http://www.egmontinstitute.be/1919-2019-how-to-make-peace-last>, дата обращения 31.03.2019.

Biscop S. (2) (2019) *Fighting for Europe. European Strategic Autonomy and the Use of Force* // Egmont Paper 103, January 2019 // <http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2019/01/EP103.pdf?type=pdf>, дата обращения 31.03.2019.

Consolidated Version of the Treaty on European Union. Article 42 (2008) // [EUR-lex.europa.eu // https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12008M042](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12008M042), дата обращения 31.03.2019.

Consolidated Version of the Treaty on European Union - PROTOCOLS - Protocol (No. 10) on Permanent Structured Cooperation Established by Article 42 of the Treaty on European Union (2008) // [EUR-lex.europa.eu // https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12008M/PRO/10&from=EN](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12008M/PRO/10&from=EN), дата обращения 31.03.2019.

Council Decision Establishing Permanent Structured Cooperation (PESCO) and Determining the List of Participating Member States (2017) // Council of the European Union, December 8, 2017 // <https://www.consilium.europa.eu/media/32000/st14866en17.pdf>, дата обращения 31.03.2019.

Criekemans D. (2018) *Security Threats in Europe: Possibilities and Obstacles for EU – Russia Cooperation* // *The EU – Russia: The Way out or the Way down?* (ed. Potemkina O.), Moscow: Institute of Europe, Egmont, pp. 28–33.

Daslder I., Lindsay J. (2018) *The Empty Throne: America's Abdication of Global Leadership*, New York: Public Affairs.

Draft Report on Annual Report on the Implementation of the Common Security and Defence Policy (2018/2099(INI)) (2018) // European Parliament, September 20, 2018 // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=COMPARL&reference=PE-625.376&format=PDF&language=EN&secondRef=01>, дата обращения 31.03.2019.

European Parliament Resolution of 12 December 2018 on the Annual Report on the Implementation of the Common Security and Defence Policy (2018/2099(INI)) (2018) // European Parliament, December 12, 2018 // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEX->

T+TA+P8-TA-2018-0514+0+DOC+XML+V0//EN, дата обращения 31.03.2019.

European Parliament Resolution of 22 November 2016 on the European Defence Union (2016/2052(INI)) (2016) // European Parliament, November 22, 2016 // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P8-TA-2016-0435&language=EN>, дата обращения 31.03.2019.

Fiott D. (2018) Strategic Autonomy: Towards 'European Sovereignty' in Defence? // EUISS Issue Brief. No. 12, November 30, 2018 // <https://www.iss.europa.eu/content/strategic-autonomy-towards-%E2%80%98european-sovereignty%E2%80%99-defence>, дата обращения 31.03.2019.

Gould J. (2018) NATO Official Warns EU Force Would Be Unwise // Defence News, November 17, 2018 // <https://www.defensenews.com/global/europe/2018/11/17/nato-official-warns-eu-force-would-be-unwise>, дата обращения 31.03.2019.

Implementation Plan on Security and Defence (2016) // Council of the European Union, November 14, 2016 // https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_implementation_plan_st14392.en16_0.pdf, дата обращения 31.03.2019.

Kunz B. (2018) The Three Dimensions of Europe's Defense Debate // Policy Brief. No. 24, The German Marshall Fund of the United States, 21 June 2018.

Marrone A., Maulny J.-P., Fattibene D., Stabile A.A. (eds.) (2018) Boosting Defence Cooperation in Europe: An Analysis of Key Military Capabilities, Istituto Affari Internazionali, Institut de Relations Internationales et Strategiques, Hellenic Foundation for European and Foreign Policy, Swedish Defence Research Agency, Polish Institute of International Affairs, Royal United Services Institute.

Mehta A. (2018) Portugal's Defence Minister Targets NATO Defence Spending Goals // Defence News, June 25, 2018 // [https://www.defensenews.com/smr/nato-](https://www.defensenews.com/smr/nato-priorities/2018/06/25/portugals-defence-minister-targets-nato-defence-spending-goals)

[priorities/2018/06/25/portugals-defence-minister-targets-nato-defence-spending-goals](https://www.defensenews.com/smr/nato-priorities/2018/06/25/portugals-defence-minister-targets-nato-defence-spending-goals), дата обращения 31.03.2019.

Miglio A. (2017) A Schengen of Defence? Integrating Existing Clusters of Inter-State Defence Cooperation into the EU Legal Framework // Centre of Studies on Federalism. Policy Paper. No. 23, July 2017 // <http://www.csfederalismo.it/en/publications/policy-paper/1288-a-schengen-of-defence-integrating-existing-clusters-of-inter-state-defence-cooperation-into-the-eu-legal-framework>, дата обращения 31.03.2019.

National Security Strategy of the United Nations of America (2017) // White House, December 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения 31.03.2019.

Notification on Permanent Structured Cooperation (PESCO) to the Council and to the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy // European Council of the European Union // <https://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113-pesco-notification.pdf>, дата обращения 31.03.2019.

Nye J.S. Jr. (2019) The Rise and Fall of American Hegemony From Wilson to Trump // International Affairs, vol. 95, no 1, pp. 63-80. DOI: 10.1093/ia/iyy212

Over 10,000 Troops from Nine Nations Ready to Meet Global Challenges (2018) // GOV.UK, June 28, 2018 // <https://www.gov.uk/government/news/over-10000-troops-from-nine-nations-ready-to-meet-global-challenges>, дата обращения 31.03.2019.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) // European External Action Service, June 2016 // https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf, дата обращения 31.03.2019.

Stone J. (2018) EU Army: Brussels 'Delighted' that Angela Merkel and Macron

Want to Create European Military Force // Independent, November 14, 2018 // <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/eu-army-angela-merkel-macron-germany-france-military-euro-pean-commission-juncker-a8633196.html>, дата обращения 31.03.2019.

We Need a European Army, Says Jean-Claude Juncker (2015) // BBC News,

March 9, 2015 // <https://www.bbc.com/news/world-europe-31796337>, дата обращения 31.03.2019.

Zachary Y. (2018) Macron: Europe Can't Depend on US for Security // Politico.eu, August 27, 2018 // <https://www.politico.eu/article/europe-defense-macron-cant-depend-on-us-for-security/>, дата обращения 31.03.2019.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-6-28

Dilemmas of the European Defence Union

Alexey A. GROMYKO

Corresponding member RAS, DSc in Politics, President of the Association of European Studies (AES), Director

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 125009, Mokhovaya St., 11/3, Moscow, Russian Federation

E-mail: alexey@gromyko.ru

ORCID: 0000-0003-4228-1552

CITATION: Gromyko Al.A. (2019) Dilemmas of the European Defence Union. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 2, pp. 6–28 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-6-28

Received: 22.01.2019.

ABSTRACT. *The article explores the newest trends in Common Security and Defence Policy of the European Union as one of the most dynamic fields of european integration. In the EU the discourse on the strategic autonomy and strategic culture develops rapidly against the backdrop of Brexit and transformation of relationship with the US. The history of European integration repeatedly poses a question whether the EU is capable of becoming an independent subject of international relations with its own politico-military potential based on the principle of strategic autonomy. The author examines dilemmas of the European defence union (EDU), with PESCO in its*

core, the key role of France and Germany in its promotion and development. Among the main issues scrutinized are recent events in the sphere of common defence policy, attitudes to the idea of the European army, dialectics of CSDP and NATO. A conclusion is drawn that in the near future the leading priority for EDU will consist in deepening integration among EU member states' military-industrial complexes, strengthening their competitiveness versus the USA. The author holds that the politico-military potential of the EU is an objective requirement for the organisation with global economic interests and that it will receive further stimulus as a result of Brexit. The in-

terests of security of the EU and non-Western centres of power will be better served if this potential transforms into effective EDU rather than be incorporated into the European pillar of NATO. The opposite development, including building up of “defence Schengen”, incorporation of the Alliance’s European members in the military planning, directed against Russia, dilution of neutrality of several member states of the EU will lead to further corrosion of European security and global stability.

KEY WORDS: EU, NATO, CDSF, PESCO, CARD, defence Schengen, European defence union, EU Security Council, battle groups, European army, France, Germany, Brexit

References

- Bachmann D., Bunde T., Maderspacher Q., Oroz A., Scherf G., Wittek K. (2017) *More European, More Connected, More Capable: Building the European Armed Forces of the Future*. Munich Security Conference, McKinsey & Company and Hertie School of Governance, November 2017. Available at: <http://european-defense-report.securityconference.de>, accessed 31.03.2019.
- Barrie D., Barry B., Boyd H., Chagnaud M.-L., Childs N., Giegerich B., Mölling Ch., Schütz T. (2018) Protecting Europe: Meeting the EU’s Military Level of Ambition in the Context of Brexit. *International Institute for Strategic Studies, Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik*, November 28, 2018. Available at: <https://dgap.org/de/article/getFullPDF/31639>, accessed 31.03.2019.
- Belov V.B. (ed.) (2018) *Protection of State Sovereignty – the Experience of the European Union and European Countries*, Moscow: Institut Evropy RAN (in Russian).
- Billon-Galland A., Efstathiou Y.-S. (2019) Are PESCO Projects Fit for Purpose? *European Leadership Network*, February 20, 2019. Available at: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/policy-brief/are-pesco-projects-fit-for-purpose/>, accessed 31.03.2019.
- Billon-Galland A., Thomson A. (2018) European Strategic Autonomy: Stop Talking, Start Planning. *European Leadership Network*, May 11, 2018. Available at: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/policy-brief/european-strategic-autonomy-stop-talking-start-planning/>, accessed 31.03.2019.
- Biscop S. (1) (2019) 1919–2019: How to Make Peace Last? European Strategy and the Future of the World Order. *Security Policy Briefs. Egmont Royal Institute for International Relations*. Available at: <http://www.egmontinstitute.be/1919-2019-how-to-make-peace-last>, accessed 31.03.2019.
- Biscop S. (2) (2019) Fighting for Europe. European Strategic Autonomy and the Use of Force. *Egmont Paper 103*, January 2019. Available at: <http://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2019/01/EP103.pdf?type=pdf>, accessed 31.03.2019.
- Consolidated Version of the Treaty on European Union. Article 42 (2008). *EUR-lex.europa.eu*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12008M042>, accessed 31.03.2019.
- Consolidated Version of the Treaty on European Union - PROTOCOLS - Protocol (No. 10) on Permanent Structured Cooperation Established by Article 42 of the Treaty on European Union (2008). *EUR-lex.europa.eu*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12008M/PRO/10&from=EN>, accessed 31.03.2019.
- Council Decision Establishing Permanent Structured Cooperation (PESCO) and Determining the List of Participating Member States (2017). *Council of the European Union*, December 8, 2017. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/32000/st14866en17.pdf>, accessed 31.03.2019.

Criekemans D. (2018) Security Threats in Europe: Possibilities and Obstacles for EU – Russia Cooperation. *The EU – Russia: The Way out or the Way down?* (ed. Potemkina O.), Moscow: Institute of Europe, Egmont, pp. 28–33.

Danilov D.A. (2018) The Formation of New Tools and Mechanisms for HSE. *European Union: Facts and Comments. Issue 93* (eds. Borko Yu.A., Butorina O.V., Zhurkin V.V., Potemkina O.Yu.), Moscow: IE RAN, AEVIS, pp. 74–77 (in Russian).

Daslder I., Lindsay J. (2018) *The Empty Throne: America's Abdication of Global Leadership*, New York: Public Affairs.

Draft Report on Annual Report on the Implementation of the Common Security and Defence Policy (2018/2099(INI)) (2018). *European Parliament*, September 20, 2018. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=COMPARL&reference=PE-625.376&format=PDF&language=EN&secondRef=01>, accessed 31.03.2019.

European Parliament Resolution of 12 December 2018 on the Annual Report on the Implementation of the Common Security and Defence Policy (2018/2099(INI)) (2018). *European Parliament*, December 12, 2018. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2018-0514+0+DOC+XML+V0//EN>, accessed 31.03.2019.

European Parliament Resolution of 22 November 2016 on the European Defence Union (2016/2052(INI)) (2016). *European Parliament*, November 22, 2016. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P8-TA-2016-0435&language=EN>, accessed 31.03.2019.

Fedorov S.M. (2018). The Macron Plan for Europe: A New Start for the European Project in the 21st Century. *Contemporary Europe*, no 6, pp. 30–39 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope620183039

Fiott D. (2018) Strategic Autonomy: Towards 'European Sovereignty' in Defence? *EUISS Issue Brief*. No. 12, Novem-

ber 30, 2018. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/strategic-autonomy-towards-%E2%80%98european-sovereignty%E2%80%99-defence>, accessed 31.03.2019.

Godovanuyk K.A. (2018) Consequences of Brexit for a Common EU Security and Defence Policy. The Future of Europe: Global Challenges and Possible Answers. *Report of the Institute of Europe*, no 351, Moscow: IE RAN, pp. 14–19 (in Russian).

Gould J. (2018) NATO Official Warns EU Force Would Be Unwise. *Defence News*, November 17, 2018. Available at: <https://www.defensenews.com/global/europe/2018/11/17/nato-official-warns-eu-force-would-be-unwise>, accessed 31.03.2019.

Gromyko Al.A. (2018) The West Divided: Consequences for Euro-Atlantic. *Contemporary Europe*, no 4, pp. 5–16 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope420180516

Implementation Plan on Security and Defence (2016). *Council of the European Union*, November 14, 2016. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_implementation_plan_st14392_en16_0.pdf, accessed 31.03.2019.

Kunz B. (2018) The Three Dimensions of Europe's Defense Debate. *Policy Brief*. No. 24, The German Marshall Fund of the United States, 21 June 2018.

Marrone A., Maulny J.-P., Fattibene D., Stabile A.A. (eds.) (2018) *Boosting Defense Cooperation in Europe: An Analysis of Key Military Capabilities*, Istituto Affari Internazionali, Institut de Relations Internationales et Strategiques, Hellenic Foundation for European and Foreign Policy, Swedish Defence Research Agency, Polish Institute of International Affairs, Royal United Services Institute.

Mehta A. (2018) Portugal's Defence Minister Targets NATO Defence Spending Goals. *Defence News*, June 25, 2018. Available at: <https://www.defensenews.com/smr/nato-priorities/2018/06/25/portugals-defense-minister-targets-na>

to-defense-spending-goals, accessed 31.03.2019.

Miglio A. (2017) A Schengen of Defence? Integrating Existing Clusters of Inter-State Defence Cooperation into the EU Legal Framework. *Centre of Studies on Federalism. Policy Paper*. No. 23, July 2017. Available at: <http://www.csfederalismo.it/en/publications/policy-paper/1288-a-schengen-of-defence-integrating-existing-clusters-of-inter-state-defence-cooperation-into-the-eu-legal-framework>, accessed 31.03.2019.

National Security Strategy of the United Nations of America (2017). *White House*, December 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, accessed 31.03.2019.

Notification on Permanent Structured Cooperation (PESCO) to the Council and to the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. *European Council of the European Union*. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113-pesco-notification.pdf>, accessed 31.03.2019.

Nye J.S. Jr. (2019) The Rise and Fall of American Hegemony From Wilson to Trump. *International Affairs*, vol. 95, no 1, pp. 63-80. DOI: 10.1093/ia/iiy212

Over 10,000 Troops from Nine Nations Ready to Meet Global Challenges (2018). *GOV.UK*, June 28, 2018. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/over-10000-troops-from-nine-nations-ready-to-meet-global-challenges>, accessed 31.03.2019.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016). *European External Action Ser-*

vice, June 2016. Available at: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf, accessed 31.03.2019.

Stone J. (2018) EU Army: Brussels 'Delighted' that Angela Merkel and Macron Want to Create European Military Force. *Independent*, November 14, 2018. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/eu-army-angela-merkel-macron-germany-france-military-european-commission-juncker-a8633196.html>, accessed 31.03.2019.

Timoshenkova E.P. (2018) How Sovereign is United Germany in Reality? *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, no 6, pp. 172-176 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran6201813

Vasil'ev V.I., Kokeev A.M. (eds.) (2018) *The Changing Role of Germany in the European Integration and Transatlantic Processes. Analytical report*, Moscow: IMEMO RAN (in Russian).

We Need a European Army, Says Jean-Claude Juncker (2015). *BBC News*, March 9, 2015. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-31796337>, accessed 31.03.2019.

Zachary Y. (2018) Macron: Europe Can't Depend on US for Security. *Politico.eu*, August 27, 2018. Available at: <https://www.politico.eu/article/europe-defense-macron-cant-depend-on-us-for-security/>, accessed 31.03.2019.

Zhurkin V.V. (2012) *European Army: Defeats and Victories. General Security and Defense Policy of the European Union*, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya (in Russian).

Zhurkin V.V. (2018) About Idea of EU's Security Council. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, no 4, pp. 4-5 (in Russian). DOI: 10.15 211/vestnikieran4201845